

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА 2022 Г. ЧАСТЬ II.

Мурат Лаумулин

главный научный сотрудник КИСИ при Президенте
РК, доктор политических наук, профессор

Insebayeva Nafissa. Modernity, Development and Decolonization of Knowledge in Central Asia: Kazakhstan as a Foreign Aid Donor. – Singapore: Palgrave Macmillan, 2022. – XI+138 pp.

Отрадно видеть, что сложилась традиция издавать политологов из Центральной Азии и Казахстана на Западе. Наша соотечественница Нафиса Инсебаева (Фонд Ниппон, Япония) поддержала эту традицию, выпустив в Сингапуре исследование «Современность, развитие и деколонизация знания в Центральной Азии: Казахстан как донор внешней помощи». Книга посвящена трансформации Казахстана из реципиента в донора в области оказания внешней помощи. Хронологически автор освещает период с 2016 по 2019 гг. Но процесс перехода РК в новый статус в качестве официального представителя соответствующих международных институтов и проводника внеш-

ней помощи в ЦА начался еще в 2014 г. Основной вывод исследовательницы сводится к тому, что Казахстан в советский и постсоветский периоды представляет собой довольно редкий пример выпадения из привычной схемы «первый-второй-третий мир», отношений Север-Юг и представлений (господствовавших в западной политологии) о постколониальном мире.

Engvall Johan. Between Bandits and Bureaucrats: 30 Years of Parliamentary Development in Kyrgyzstan. – Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. – Washington, D.C.: Johns Hopkins University, 2022. – 132 p.

Дж.Энгвалл (ветеран команды проф. Ф.Старра в Институте Центральной Азии и Кавказа при университете Дж.Хопкинса) выпустил книгу с характерным названием – «Между бандитами и

бюрократами: 30 лет парламентского развития Киргизстана». Фактически, данная работа представляет собой историю создания и крушения парламентской модели в этой республике. Автор исходит из того, что в 2010 году (после свержения К.Бакиева, пытавшегося установить твердую президентскую власть по казахстанской модели) Киргизстан перешел к полной парламентской системе правления. Но уже через десятилетие в 2021 г. киргизский электорат одобрил возвращение к президентской форме правления, и в мае того же года была принята президентская конституция.

Исследователь исходит из того, что партийная система КР страдала от имманентных недостатков: крайней фрагментации, слабой институализации, обслуживания частных интересов в ущерб политическим задачам, стоящим перед страной. К изъяснам автор относит также отсутствие идеологических платформ и конкретных политических программ, культурное и националистическое давление, вызванное специфическими чертами исторической памяти киргизской нации. Тем самым, в отличие от Армении, Грузии и Молдовы, где сложились относительно устойчивые парламентские системы, в Киргизстане к 2020 г. начался хронический кризис парламентаризма.

Автор разделил историю киргизского парламентаризма на следующие этапы: «Легендарный парламент» (гл.1), зарождение политической конкуренции (гл.2), выход парламентской оппозиции на улицы (гл.3), «Революционный парламент» (гл.4), «Бакиевский карманный парламент» (гл.5), становление многопартийного парламентаризма (гл.6), коллапс политического представительства (гл.7), «последний новый парламент» (гл.8), «распаковка» парламентского представительства (гл.9). В последней главе автор особо отмечает в специальном разделе роль Жогорку Кенеша как рыночного объекта.

В итоге автор приходит к следующим неутешительным выводам. ВС КР (Жогорку Кенеш) является зеркалом политической и социальной жизни республики в течение трех десятилетий, будучи сначала источником надежд, а затем – источником разочарования. Деятельность парламента все более сводила на нет уровень политического представительства и степень государственной независимости Киргизии. По мере институализации киргизского парламентаризма одновременно наблюдалась деградация человеческого капитала. Законодательная деятельность Жогорку Кенеша носила бессистемный и хаотичный характер. Все происходило

на фоне реального ослабления функций политического представительства парламента, что стало особенно очевидным после 2015 г. Таким образом, делает заключительный вывод Дж.Энгвалл, в евразийском контексте эксперимент по внедрению в Киргизстане парламентской системы сделал из республики изгоя среди всех республик Центральной Азии.

Бордачёв Т. Пространство без границ: Россия и её соседи. – М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2021. – 32 с.

Эта небольшая по объему работа известного российско-го политолога-международника (Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай») представляет для нас интерес прежде всего тем, что затрагивает четыре из пяти республик региона, а также вопросы евразийской интеграции. В ходе работы над докладом автор посетил в марте - сентябре 2021 года несколько столиц и городов стран бывшего СССР, чтобы лично побеседовать с интеллектуалами, политиками и общественными деятелями. Автор исходит из того тезиса, что политика России в отношении соседей определяется взаимодействием трёх факторов: традици-

онного силового компонента, наличия единого геополитического пространства и общего исторического опыта. Военно-политическое могущество России не является ни гарантией её уверенного контроля над соседями, ни возможностью от них отгородиться.

На большей части внешнего периметра Россия окружена государствами, которые не в состоянии решить вопросы собственного развития и безопасности с опорой только на внутренние ресурсы. Это делает Россию основным центром силы на этом пространстве. Перед Москвой встаёт задача выработать такую форму взаимодействия с соседями, которая не потребует диктовать им правила внутренней жизни или определять их внешнюю политику, но позволит обеспечить безопасность России, а также относительно стабильный мир на её границах.

Любые попытки обозначить в Евразии внутренние границы и сравнительно изолированные от остального мира зоны сотрудничества являются умозрительными. Евразия – единая геополитическая общность, центром которой по причине своего масштаба и силовых возможностей является Россия. Ряд стран Центральной Азии граничат с Китаем, но это соседство пока не требует учитывать соображения безопасности КНР в таком объеме, как

российские. Нам известен лишь один случай, когда внешнеполитическое решение правительств Центральной Азии угрожало китайским интересам — размещение там баз США и союзников в начале 2000-х годов (с согласия России). Во всём остальном интересы Китая обеспечивались в рамках российского геополитического доминирования.

Выгодное расположение Казахстана лежит в основе сравнительной удовлетворённости казахстанской элиты и интеллектуалов судьбой своего государства. Именно казахстанские эксперты в наибольшей степени уверены в России как гаранте суверенитета и способности противодействовать внешним вызовам и угрозам. Геополитическое положение Казахстана позволяет сохранять близкие отношения с Россией, которая сама в них заинтересована, и с соседями с юга. Именно южное направление может быть для Казахстана наиболее рискованным, поскольку в южной части страны сосредоточена основная масса населения, а соседи, за исключением Узбекистана, не готовы обеспечить надёжное прикрытие от внешних угроз.

Благоприятное геополитическое положение занимает Узбекистан. Помимо прочего, он ещё и обладает населением в 33 миллиона. Здесь история и география сочетаются почти идеально — нацио-

нальная государственность опирается на традицию феодальных образований, существовавших до вхождения территории в состав Российской империи. Единственное потенциально опасное направление — Афганистан, где проживает узбекское меньшинство. Чтобы развиваться, Ташкенту достаточно надёжно контролировать границу с Афганистаном и гарантировать, что поведение Узбекистана не будет вызывать у России сомнений в необходимости оказания ему соответствующей помощи.

Для народа Киргизии история всегда была опытом выживания в окружении более могущественных соседей. Однако ситуация радикально изменилась после появления в предгорьях Тянь-Шаня Российской империи. При этом Киргизия не имеет с Россией прямой границы, что является для республики проблемой. Тем более, что именно она оказалась в 1990-е годы на периферии российского внимания. Только появление в 2001 году в Афганистане и Центральной Азии сил США и НАТО заставило Москву обратить внимание на Бишкек. С этого момента эксперты фиксируют начало «возвращения России».

Таджикистан — часть персидской цивилизации, помещённая в геополитическое пространство Евразии, он зажат между тюркоязычными соседями и нестабиль-

ным Афганистаном. Геополитическое положение Таджикистана сложное, но не трагичное. Соседство с Афганистаном и наиболее высокая вероятность проникновения в Таджикистан революционных исламистских идей заставляют Россию обращать на эту страну особое внимание. Таджикистан меньше других стран Центральной Азии связан с остальным пространством Евразии. Даже в 1990-е годы Россия уделяла повышенное внимание Таджикистану.

Евразийская экономическая интеграция стала попыткой создания дополнительных институциональных механизмов доверия между Россией и группой стран-соседей. Но политические возможности этого формата не надо переоценивать. Поэтому институты ЕАЭС основаны на абсолютном формальном равенстве стран-участниц, что снижает интерес к ним. Сложно убедить Россию соблюдать общие решения, которые были приняты на основе консенсуса, не отражающего её реальное положение в данном сообществе. Но самое важное – попытки создать на пространстве бывшего СССР устойчивый международный порядок, в том числе через общие институты, могут вступать в противоречие с глобальными целями и интересами России.

Чтобы быть успешной в дол-

госрочной перспективе, России потребуется постоянно пересматривать конкретные цели и задачи. На первом месте среди российских задач сейчас – обеспечение способности соседей к самостоятельной внешней политике, развитие у них понимания, что это является условием их выживания. Стратегический приоритет России – содействие формированию у соседей устойчивой суверенной государственности, способной к внешней политике, которая отвечает геополитическому положению и балансу сил на общем пространстве. Для соседей Россия должна стать не матерью или мачехой, а наиболее сильным государством их ареала, которое несёт ответственность за безопасность на общем пространстве и интересы которого являются объективно доминирующими.

Кунце Т., Фогель Т. Падение СССР: Что стало с бывшими союзными республиками. Пер. с нем. М.А. Перегудова, К.М. Арыкбаевой. – М.: Кучково поле, 2020. – 288 с.

Книга немецкого исследователя Т.Кунце (Фонд Конрада Аденауэра) и швейцарского журналиста Т.Фогеля «Гибель империи» увидела свет еще в 2017 г. Переработанное и расширенное издание на русском языке «Падение СССР» вышло в 2020 г. – за

год до 30-летия распада Советского Союза.¹ Книга заслуживает внимания также потому, что даёт представление Западу об оценках процессов на постсоветском пространстве в ходе и после дезинтеграции Советского государства. Отличительная особенность их совместной монографии – преимущественно трезвый анализ внутривнутриполитической ситуации и стратегических вызовов и угроз, с которыми сталкиваются бывшие союзные республики. Нас по понятным причинам интересует регион Центральной Азии.

Т.Кунце и Т.Фогель констатируют ключевую роль Советского Союза в появлении на политической карте мира современных независимых республик Центральной Азии. Авторы признают стабилизирующую роль центральноазиатских республик, полагая, что влияние исламского фундаментализма, близость Пакистана и Афганистана превратили эти страны со светскими политическими режимами в последние бастионы на пути радикальных исламистов в Россию и Европу. При этом авторы отмечают межэтнические противоречия, низкий уровень сотрудничества и постоянное соперничество государств Центральной Азии в условиях, когда перед регионом стоят

объективные проблемы, решение которых невозможно без совместных усилий. Одна из таких, требующих координации проблем – борьба с наркотрафиком. Часто возвращаются Т.Кунце и Т.Фогель к Ферганской долине, характеризующейся, с их точки зрения, наибольшим конфликтным потенциалом в Центральной Азии, описывают противоречия из-за водных ресурсов, споры по вопросам интерпретации истории.

Тот факт, что на фоне других постсоветских государств динамика развития Казахстана выглядит неплохо, авторы объясняют наличием нефти и газа, благодаря которым удалось преодолеть последствия распада общесоюзной промышленности и оттока квалифицированных специалистов. Исследователи также высоко оценивают либеральную экономическую политику Н.Назарбаева, которая вывела страну в экономические лидеры региона. Самым важным партнёром Казахстана западные аналитики называют Россию, хотя и замечают признаки настороженности в отношении её активной внешней политики.

Не меньший интерес Т.Кунце и Т.Фогель проявляют к активной политике реформирования исторической памяти, проводившейся средствами масштабных переименований улиц, сно-

¹ Kunze Thomas, Vogel Thomas. Das Ende des Imperiums. Was aus den Staaten der Sowjetunion wurde. – Berlin: Christoph Links Verlag, 2017.

са памятников в Узбекистане и Туркменистане, в то время как в Казахстане, Киргизии и Таджикистане было демонтировано сравнительно небольшое число монументов. С точки зрения авторов, преобладающее на севере Казахстана русское население успешно интегрировалось в новое государство.

Глава о Казахстане охватывает следующую проблематику: Трудная дорога к независимости, Новая столица — нечто среднее между Диснейлендом, Дубаем и Столицей мира Германией, выборы в Казахстане, многовекторная внешняя политика, «Борат». Авторы выделяют Казахстан и по сравнению большей, нежели в других государствах СНГ, представленности этнических русских в бюрократической системе, несмотря на растущую казахизацию и поэтапную замену алфавита с кириллицы на латиницу. В целом Т.Кунце и Т.Фогель с оптимизмом смотрят на будущее развитие Казахстана, отмечая меньшую на фоне других центральноазиатских республик угрозу исламского экстремизма.

Авторы обращают внимание на угрозу потери Киргизией суверенитета из-за накопившихся внутренних противоречий, коррупции, межэтнической напряжённости, государственной политики идентичности, ущемляющей права узбекского мень-

шинства. Киргизская проблематика включает в себя такие сюжеты как Швейцария Центральной Азии, В центре внимания мировой общественности, В фокусе внимания — Ферганская долина, Эпоха правления Бакиева, Временное переходное правительство, Межэтнические столкновения на юге, Опасность раскола, Внутриполитический кризис, Кыргызстан — попытка демократии? Западных экспертов особенно беспокоит исламизация широких слоёв населения, с которой не борются власти. По мнению наблюдателей, тяжёлое социально-экономическое положение населения и «отсутствие национальной идеи создают в Кыргызстане вакуум, который с готовностью заполняет религия».

К особенностям Таджикистана в книге отнесены сохранение высокого уровня бедности, дефицит пахотных земель, наркотрафик, проходящий через республику из Афганистана в Россию и ЕС. В «стране ариев», Соперничество за власть после обретения независимости, «Последний Сталин Советского Союза, Культ личности и перспективы превращения страны в теократическое государство, Афганский базар, Террор в Таджикистане, Страх перед «людьми с бородами», «Равный — неравный» сосед Узбекистан. Особую озабоченность западных наблюдателей, размышляющих

о перспективах превращения Таджикистана в теократическое государство, вызывает расширяющееся радикальное исламское движение. При этом они считают, что Таджикистан является страной, масштабно, системно и целенаправленно на законодательном уровне борющейся с исламизацией.

Узбекистан, где власти активно противодействуют исламизации, в интерпретации Т.Кунце и Т.Фогеля, выступает гарантом стабильности беспокойного региона. Соответствующая проблематика охватывает такие вопросы как «...Должен умереть, как солдат в бою», Борьба за первенство, Советская империя как пикантная смесь приправ, Становление Ислама Каримова, Террор из Узбекистана, Первый независимый театр в Советском Союзе, Экономическая изоляция, Свежий ветер в Узбекистане? По мнению западных аналитиков, приход к власти Ш.Мирзиёева ознаменовался некоторой либерализацией, однако переход к более открытой экономике – вынужденная мера в силу бедности, стремительного роста населения, свыше половины которого моложе 30 лет, массовой трудовой эмиграции в Россию, Турцию и Казахстан.

Т.Кунце и Т.Фогель, описывая развитие Туркменистана, неохотно, как они полагают, вышедше-

го из состава СССР, отмечают, что реалии жизни существенно отличаются от того стратегического будущего, которое могли бы обеспечить стране четвёртые по величине в мире запасы газа. Более того, авторы характеризуют изменения в социокультурной сфере республики как катастрофические, считают постсоветское поколение Туркменистана «потерянным». Приспальный интерес вызывает у экспертов фигура «туркменбаши» С. Ниязова, как наиболее одиозного и харизматичного представителя плеяды центральноазиатских авторитаров. Это нашло отражение в проблематике: Идеологические постулаты «Рухнамы», Потерянное поколение, От культа личности до второго государства Персидского залива, Осторожная политика открытия страны Бердымухамедова.

Масштабный план модернизации страны до 2030 г., который представил сменивший С.Ниязова Г.Бердымухамедов, по мнению исследователей, нереалистичен, так как в условиях отсутствия нормативно-правовой базы, неконтролируемой коррупции, негибкости и непрозрачности политической структуры рассчитывать на приток иностранных инвестиций не приходится.

Ключевой вывод работы западных специалистов состоит

в том, что рыночные реформы 1990-х гг. не привели к ожидавшимся большинством граждан СССР результатам. В числе важнейших причин снижения уровня социально-экономического развития постсоветских государств исследователи выделяют упадок промышленности, обусловленный выходом из общесоюзной экономической системы.

Авторы достаточно подробно описывают полномасштабную подрывную деятельность Соединённых Штатов на постсоветском пространстве, участие США в организации затронувших страны региона «цветных революций». Показывая, что ни одна из подобных попыток смены власти не принесла государствам стратегической стабильности, авторы, по сути, выносят обвинительный приговор практике реализации Западом такого рода стратегий. Анализируя внешнюю политику Европейского союза, Т.Кунце и Т.Фогель отмечают её фактическую несостоятельность. В силу громоздкой политической системы, как полагают эксперты, ЕС превратился в объект манипуляций Государственного департамента США, который определяет политику Евросоюза на восточном направлении.

Привлекла внимание экспертов внешнеполитическая деятельность Турции в Центральной Азии, рассматривающей Казах-

стан, Узбекистан, Киргизию и Туркменистан (а также Азербайджан) в качестве важного направления взаимодействия на базе языкового и этнокультурного родства тюркских народов. Однако, по оценке исследователей, политическая активность Турции после 1991 г. достаточно быстро стала купироваться элитами новых независимых республик, не пожелавшими видеть в лице Анкары старшего партнёра, но готовых к расширению торговых и финансово-экономических связей. Западные наблюдатели утверждают, что Турции не удалось закрепиться политически, но экономические контакты прочны, и заслуга в этом во многом принадлежит туркам Германии.

Много внимания исследователи уделяют Дню Победы в Великой Отечественной войне, отмечая, что подходы к его празднованию коррелируют с двусторонними отношениями постсоветских стран и современной России. По их мнению, важным фактором коллективной памяти в регионе продолжает оставаться война в Афганистане, на территории которого погибали граждане всех республик СССР. Среди сохранившихся примеров советского культурного наследия выделяются празднование 8 марта Международного женского дня и комедия Э. Рязанова «Ирония судьбы, или С лёгким паром!».

Как пишут Т.Кунце и Т.Фогель, 31 декабря, когда фильм традиционно показывают по телевизору, «прибалты, россияне, кавказцы или уроженцы Средней Азии вновь чувствуют себя единым целым».

Авторы стараются показать европейцам всю тяжесть трансформационных процессов, выпавших на долю постсоветских государств, полагая, что в Восточной Европе после 1989 г. всё проходило намного мягче. Многолетнее изучение постсоветского пространства позволило исследователям осознать, какой геополитической катастрофой общемирового масштаба может грозить его дестабилизация на почве внедрения абстрактных принципов либеральных ценностей, демократии и прав человека в специфическом, навязываемом коллективным Западом понимании.

Книга Т.Кунце и Т.Фогеля – своеобразный путеводитель по моделям нациестроительства в постсоветских государствах, для которых обретение независимости в границах советских республик оказалось совершенно новым опытом. Необходимость формирования собственной государственности и утверждения национальной идентичности сфокусировала внимание властей на личностях, этнических группах, политических структурах,

когда-либо существовавших на данной территории.

Sahakyan Mher D., Gärtner Heinz (eds). China and Eurasia. Rethinking Cooperation and Contradictions in the Era of Changing World Order. – London, New York: Routledge, 2022. – XV+246 pp.

Работа «Китай и Евразия: пересмотр сотрудничества и противоречий в эру меняющегося мирового порядка» под ред. М.Саакяна (дир-р Совета Китай-Евразия по политическим и стратегическим исследованиям Армении) и Г.Гертнера (Департамент политических исследований Венского университета) продолжает тему расширяющегося китайского присутствия в Евразии. Один из руководителей проекта М.Саакян уже обращался к данной теме в своей персональной монографии «Инициатива Китая «Один пояс, один путь» и Армения», сфокусированной на его родине и регионе Южного Кавказа.² В работе проанализировано влияние инициативы «Один пояс, один путь» на мировое политико-экономическое положение, а также дана оценка вышеупомянутой инициативе с точки зрения национальной безопасности Китая. Целью работы явля-

² Саакян М. Инициатива Китая «Один пояс, один путь» и Армения. – Ереван: Фонд «Совет политических и стратегических исследований «Китай-Евразия», 2019. – 134 с. + 24 с.

ется составление стратегической «дорожной карты», посредством которой государства Евразии могут быть вовлечены в китайский политико-экономический проект, содействуя политическому, военно-техническому, финансовому и экономическому сотрудничеству между Китаем и евразийским пространством.

Книга состоит из пяти частей, где первая посвящена собственно постановке проблемы соотношения Китая, Евразии и нового мирового порядка. Вторая часть охватывает проблематику транспортных коммуникаций между КНР и странами Евразии. В третьей части отдельно рассматривается китайско-российское сотрудничество с учетом наступления нового мирового порядка и взаимодействия в рамках двух проектов – российского (Большая Евразия) и китайского (ОПОП), а также двух организаций – ЕАЭС и ШОС. Четвертая часть рассматривает место Евросоюза, Западных Балкан, Южного Кавказа и ОПОП в рамках евразийской интеграции. И наконец, пятая часть изучает взаимоотношения Китая с растущими экономическими державами Азии – Советом сотрудничества стран Персидского залива и треугольником АСЕАН-КНР-Индия.

В целом, данная проблематика достаточно подробно изучалась в других изданиях, которых мы

касались ранее. Авторы данного издания специально останавливаются на позициях средних и малых стран в отношении китайского проекта ОПОП и специфике их интересов и целей. Представляет интерес анализ авторами методов действующих акторов. Так, формирование многополярного мира в Китае видится посредством укрепления связей с Евразией, в России – через Азию; и оба демиурга евразийской интеграции намерены максимально задействовать такие региональные институты как ЕАЭС и ШОС, а также взаимодействие на двустороннем уровне – РФ-ЕАЭС, РФ-ШОС, КНР-ЕС, КНР-АСЕАН и др.

Garcia Zenel. China's Western Frontier and Eurasia: The Politics of State and Region-Building. – New York: Routledge, 2021. – 228 p.

З.Гарсия (Военный колледж США) не новичок в синологии, являясь автором ряда книг, посвященных военному строительству в КНР и китайско-японским отношениям в сфере безопасности. В своей новой книге «Западные границы Китая и Евразия: политика регионального строительства» он связывает напрямую рост геополитических амбиций Пекина с движением в западном направлении вглубь Евразийского континента в контексте гран-

диозного проекта «Один пояс, один путь». Для его реализации, считает автор, Китаю необходимо решить проблему Синьцзяна и правильно расставить свои геоэкономические и геополитические приоритеты в Центральной Азии. З.Гарсия отмечает, что еще в 2013 году Си Цзиньпин озвучил намерения КНР реализовать проект по «воскрешению» Великого Шёлкового Пути в современной парадигме. В рамках проекта создаются три трансевразийских экономических коридоров – из Китая через Центральную Азию и Россию до Европы, из Китая через Центральную Азию и Западную Азию до Персидского залива и Средиземного моря, из Китая в Юго-Восточную Азию, в Южную Азию к Индийскому океану. Дополняют коридоры маршруты морского Шёлкового пути – морские порты Китая соединятся через Южно-Китайское море с Южной Акваторией Тихого океана и с Европой через Индийский океан.

Даже приблизительная стоимость реализации проекта держится в тайне, но по самым «скромным» подсчётам экспертов она составляет не менее \$1 триллиона. Проект носит, в первую очередь, стратегический характер для Поднебесной, в связи с чем финансирование преимущественно осуществляется китайскими банками и фондами

республики. Но в условиях замедления экономики КНР приходится искать и внешних инвесторов под столь масштабный и дорогостоящий проект. Имена инвесторов тщательно скрываются. При этом для стимуляции финансирования Китай ограничил иностранные инвестиции китайских компаний, поощряются инвестиции только от тех компаний, которые параллельно готовы инвестировать и в ОПОП.

За счёт китайских технологий, рабочих и инвестиций улучшается инфраструктура малоразвитых стран, растёт население и перспективы, однако коренное население притесняют, подавляют потоки подданных Поднебесной, большая часть рабочих мест на вновь созданных предприятиях отдаётся последним.

Важной составляющей инициативы пояса и пути является развитие инфраструктуры с целью усиления экономического сотрудничества и торговли (например, создание портовой, железнодорожной и автомобильной инфраструктуры). Реализация МШП будет способствовать как строительству портовой инфраструктуры, так и модернизации уже существующей, улучшению логистики между прибрежными и внутренними районами, созданию свободных экономических зон для активизации торговли и инвестиций.

При этом, не менее значимой целью для Китая остается создание и поддержание имиджа мирно развивающегося государства, усиление которого не провоцирует региональные конфликты, а, наоборот, способствует конвергентному экономического развитию всего региона. В этой связи руководство КНР делает ставку на концепцию соразвития и взаимовыгодной ситуации (win-win situation) для всех участников.

Но теперь, в условиях открытой вражды между КНР и США, власти республики подняли уровень стратегического значения ОПОП до высшей национальной стратегии. Таким образом, Китай планирует ускорить темпы реализации за счёт сокращения времени принятия решений и увеличения объёмов кредита. Так республика расширит своё влияние в странах-участницах инициативы, а впоследствии снизит степень торгово-экономического влияния США. Теперь же ключевым вопросом остаётся, поддастся ли Пекин давлению критиков и американских оппозиционеров к смягчению своей политики относительно ОПОП и сокращению сугубо китайских интересов в реализации проекта.

В целом, автор склонен видеть в геостратегии КНР продвижение своих границ на Запад, по аналогии с американским фронтиром

в XIX веке. Эту идею он вынес в заглавие своей монографии.

Казанцев А., Су Чан. Россия и Китай: подходы к безопасности в Центральной Азии в контексте ситуации в Афганистане. Российский совет по международным делам. № 37. – М.: РМСД, 2021. – 18 с.

По мнению российско-китайского тандема авторов, общие интересы России и Китая в Афганистане и сопредельных странах Центральной и Южной Азии состоят в следующем. 1. Нейтральность Афганистана и отсутствие на его территории иностранных войск. Сегодня Россия и Китай заинтересованы в том, чтобы поддерживать безопасность в регионе собственными силами и с привлечением региональных держав. Вывод американских войск из Афганистана создает для этого благоприятную внешнюю ситуацию, хотя и способствует возникновению определенных рисков.

2. Три центральноазиатские страны, — Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан — являются членами Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Как союзник по ОДКБ, Россия гарантирует их безопасность, а также имеет на их территории военные базы. КНР во многом разделяет позицию России. Пекин формально не связан

обязательствами по обеспечению безопасности стран Центральной Азии, хотя сейчас развивается формат военного сотрудничества по линии КНР — Пакистан — Таджикистан — Афганистан. Однако все центральноазиатские страны, за исключением Туркменистана, являются членами ШОС и активно развивают сотрудничество в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и религиозным экстремизмом в этом формате.

3. Россия заинтересована в борьбе с возможными террористическими угрозами трансграничного характера как по оси Афганистан — Центральная Азия — Россия, так и по оси Ближний Восток — Афганистан — Россия. Существует угроза возвращения боевиков с Ближнего Востока и Афганистана через Центральную Азию в Россию. Для КНР актуально просачивание боевиков в Синьцзян по тем же потенциальным коридорам.

4. Два центральноазиатских государства — Казахстан и Кыргызстан — являются членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Поскольку границы государств — его членов открыты, любая дестабилизация в центральноазиатских странах, вызванная обострением ситуации в Афганистане, может спровоцировать приток беженцев и создать России другие серьезные

проблемы. Китай заинтересован в стабильном развитии стран Центральной Азии, экономически, культурно и исторически тесно связанных с Синьцзян-Уйгурским автономным районом (СУАР). Особенно это проявляется в контексте реализации инициативы «Один пояс, один путь», программ ее сопряжения с ЕАЭС и национальными программами развития (например, в Казахстане).

5. Не только страны ЕАЭС, но и другие государства Центральной Азии, прежде всего Таджикистан и Узбекистан, связывают с Россией существенные миграционные потоки. Потенциальная дальнейшая дестабилизация в Афганистане, деятельность различных террористических организаций в его северной части, а также вербовка и радикализация центральноазиатских трудовых мигрантов в России могут привести к серьезному ухудшению ситуации в области безопасности на территории РФ. Миграционные потоки между КНР и Центральной Азией не столь интенсивны, однако межчеловеческие контакты между жителями СУАР и народами Центральной Азии достаточно активны. На территории стран Центральной Азии живет много уйгуров, а в СУАР много представителей центральноазиатских народов — прежде всего казахов и киргизов. Поэтому не-

гативные тенденции, связанные с Афганистаном, могут повлиять и на эту систему связей.

На данный момент прогнозирование развития ситуации в Афганистане затруднено ввиду множественности факторов, оказывающих на нее влияние. Что касается внутривосточной обстановки, существуют два высоковероятных сценария, которые можно условно назвать «сильные талибы» и «слабые талибы». При этом оба сценария могут иметь как позитивные, так и негативные последствия для России, КНР, других региональных держав и всего мирового сообщества.

Сценарий 1 «Сильные талибы». Этот сценарий представляется сейчас большинству российских экспертов несколько более вероятным, чем альтернативный. Вариант А (хороший). Побеждает умеренное крыло «Талибана», которое соблюдает ключевые договоренности с внешними игроками. Вариант Б (плохой). Побеждает радикальное крыло «Талибана», начинается внешняя экспансия, прежде всего, в сторону Центральной Азии, активно поддерживаются религиозно-экстремистские и террористические группы по всему миру.

Сценарий 2 «Слабые талибы». В соответствии с альтернативным сценарием, талибам не удастся создать эффективную си-

стему управления, они не справятся с кризисом в стране, произойдет внутренний раскол, хотя, возможно, и при наличии формального единства, в стране сохранится сильное недовольство. Вариант А (хороший). В стране не происходит столкновения внешних игроков, то есть идет война внутриафганских сил без внешней поддержки. Конфликт носит внутривосточный характер, без вовлечения региональных и глобальных сил. Вариант Б (плохой) предполагает активное участие во внутриафганском конфликте внешних игроков (прокси-война) по образцу конфликтов в Сирии или Ливии. При этом может происходить не просто закрепление особо опасных террористических групп (запрещенный в России ИГИЛ-Хорасан и др.) на территории Афганистана, но и создается потенциал для вторжения вооруженных групп международных террористов в сопредельные страны, в том числе в Центральную Азию.

Неблагоприятных для соседей Афганистана сценария два. Это сильные талибы, во главе с радикальными группами, которые будут осуществлять внешнюю экспансию в Центральной Азии — Таджикистане, Кыргызстане и Туркменистане. Второй неблагоприятный вариант развития событий — слабые талибы и гражданская война, при которой

может повториться ситуация 1990-х гг., связанная с фактическим распадом Афганистана. Одна из новых опасностей для Афганистана — это перенос на его территорию ближневосточного конфликта между Ираном и рядом арабских стран (прежде всего, Саудовской Аравией), часто принимающего форму шиитско-суннитского конфликта. В условиях общих угроз для их нейтрализации требуется тесная координация позиций России и Китая. Совместная позиция могла бы включать 8 пунктов.

К факторам, которые окажут влияние на безопасность в Центральной Азии в будущем, можно отнести следующие. Это политическая стабильность, которая остается ключевой проблемой для центральноазиатских стран. По вопросу афганского кризиса Китай придерживается принципа уважения суверенитета, независимости и территориальной целостности Афганистана, а также уважает право афганского народа на самостоятельное управление государством. Россия и Китай как великие державы должны сыграть особую роль в укреплении гуманитарного сотрудничества.

Ермолов М. Помощь Центральной Азии: Новая Большая игра. Российский совет по международным делам. № 36. — М.: РМСП, 2021. — 21 с.

В начале 2022 г. Российский совет по международным делам опубликовал два небольших обзора по Центральной Азии (но датированы прошлым годом). Первое посвящено использованию экономической и финансовой помощи в качестве инструмента укрепления геополитического влияния самых разных акторов. Работа представляет интерес своим сравнительным анализом.

Геополитическое соперничество за влияние в Центральной Азии, имевшее место в XIX — начале XX вв. между Британией и Россией и получившее название «Большая игра», продолжается в настоящее время. В это соперничество включились другие сильные игроки в регионе, и оно стало затрагивать не только военно-политические аспекты, но и вопросы экономического взаимодействия, включая оказание помощи, и культурно-гуманитарного сотрудничества. Учитывая, что со всеми государствами Центральной Азии у России сложились отношения стратегического партнерства, а с большинством из них — союзничества, Москва в настоящее время сталкивается здесь с серьезным вызовом в части использования помощи развитию в качестве инструмента внешней политики.

По данным ОЭСР, в течение 2010–2019 гг. страны региона получили более 33,4 млрд. долл.

официальной помощи развитию из различных источников. Основной объем — почти 12 млрд. долл. — пришелся на Узбекистан, причем годовые вложения выросли за этот период более чем в 13 раз. Немного более 7 млрд. долл. получил Казахстан: после максимума в 2010 г. на уровне 2,4 млрд. долл. объемы помощи сократились, а с 2017 г. начался чистый отток средств в результате возврата полученных кредитов. Помощь Киргизии (5,1 млрд. долл.) и Таджикистану (3,9 млрд. долл.) выросла в среднем на 20–30 % и имеет стабильно растущую динамику. Объемы получаемой Туркменистаном помощи, достигнув максимума в 2015 г. — 2,6 млрд. долл., начали сокращаться, перейдя в отрицательную зону в 2019 г., что говорит о фактическом отказе от получения новых кредитов.

В последнее десятилетие развитие стран региона ЦА происходило весьма неравномерно вследствие причин демографического, политического и финансово-экономического характера, включая финансовый кризис 2014 г. Гораздо более значимые потоки помощи были направлены в регион ЦА по каналам прямых иностранных инвестиций (ПИИ). По данным статистики МБРР, за период 2010–2019 гг. государства Центральной Азии получили более 132 млрд. долл. прямых инвестиций, что примерно в 4 раза

превосходит объем официальной помощи, учитываемой ОЭСР.

Роль России как донора ПИИ несмотря на традиционные экономические связи со странами региона, значима только в случае Киргизии и Казахстана (13,5 % и 6 % соответственно). В Таджикистане удельный вес российских инвестиций составляет 3,6 %, крайне мала доля России на рынке прямых инвестиций Туркменистана и Узбекистана (0,4 % и 0,9 % соответственно).

По данным ОЭСР, в период 2010–2019 гг. сформировалась тройка основных доноров официальной помощи с большим отрывом от других участников. Лидерами стали Япония с объемом более 6,9 млрд. долл. (20,7 % всех расходов), Международный банк реконструкции и развития (МБРР) — 6,2 млрд. долл. (18,5 %) и Азиатский банк развития (АБР) — 6,1 млрд. долл. (18,1 %). Во второй группе находятся доноры с объемами вложений в регионе от 1,6 до 2,1 млрд. долл. — Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР; 6,4 %), США (4,9 %), Германия и Корея (по 4,8 %) и Россия (4 %), чья помощь странам региона определяется не только исторической общностью развития, но также интересами безопасности и евразийской интеграции на постсоветском пространстве.

Здесь следует отметить, что

масштабы влияния США в регионе как донора значительно превышают их номинальную долю, поскольку голос Вашингтона как крупнейшего акционера имеет важное значение при принятии инвестиционных решений в крупнейших многосторонних институтах развития. В третью группу доноров входят страны и организации, чей объем операций за период составил от 0,7 до 1 млрд. долл., — Турция (3 %), ЕС (2,8 %), Исламский банк развития (ИБР; 2,7 %) и Швейцария (2,2 %). В последней группе находятся доноры, чей потенциал ограничен или еще не раскрыт в полной мере, — Глобальный фонд, ОАЭ и Великобритания.

В 2010–2020 гг. не произошло принципиальных изменений. В этот период значительно сократил отставание от лидера Китай, чья экономика вышла на второе место в мире (14,9 трлн. долл.), показав рост более 156 %. Несмотря на 8 % падения Япония по размерам экономики (5,1 трлн. долл.) осталась на третьем месте среди доноров ЦА, благодаря чему продолжала масштабные программы помощи. В условиях низких темпов роста (7,5 %) Германия сохранила четвертое место по размеру экономики (3920 млрд. долл.), что позволило ей обеспечить высокий уровень поддержки региона. Великобритания осталась на пятой строке

по доступным экономическим ресурсам (2630 млрд. долл.), однако нулевой рост оказался ограничивающим фактором для реализации этой страной крупных проектов помощи. Динамично росли — от 49 % до 54 % — экономики ОАЭ (424,8 млрд. долл.) и Кореи (1701,3 млрд. долл.), обеспечив возможности для реализации этими странами масштабных донорских программ в регионе Центральной Азии. Для России и Турции в последнее десятилетие рост составил около 10 % (1565,8 млрд. долл.), и 0,6 % (763,3 млрд. долл.) соответственно.

По данным ЭйдДата, собранным за 2000–2017 гг. из открытых источников, Китай направил на цели поддержки развития государств ЦА более 48 млрд. долл., в том числе Казахстан 29,7 млрд. долл., в Киргизию 2,4 млрд. долл., в Таджикистан 2,3 млрд. долл., в Туркменистан 7,6 млрд. долл. и в Узбекистан 6,1 млрд. долл. Эти сведения позволяют считать Китай крупнейшим донором региона, превосходящим по масштабу вложений США вместе с другими дружественными жертвователями — Японией, ГВБ, АБР, ЕБРР.

Из общего объема помощи региону, составившего 6,9 млрд. долл. за период 2010–2019 гг. Япония направила более 4,1 млрд. долл. в Туркменистан, более 2,3 млрд. долл. в Узбекистан, 223 млн. долл. и 273 млн. долл.

в Киргизию и Таджикистан соответственно. Группа Всемирного банка является вторым по масштабам учитываемой ОЭСР помощи донором региона. В течение 2010–2019 гг. банк инвестировал около 6,2 млрд. долл., в т.ч. в Казахстан 3083 млн. долл., в Узбекистан 2378 млн. долл., в Киргизию и Таджикистан 380 млн. долл. и 310 млн. долл. соответственно. Азиатский банк развития — один из значимых доноров средств на соответствующие цели в ЦА, чей суммарный портфель проектов за 2010–2019 гг. превысил 6,6 млрд. долл., что составляет около 19,8 % всей официальной помощи странам региона. Из общего объема вложений АБР в регионе 81,2 % средств было инвестировано в Узбекистан (3,91 млрд. долл.) и в Казахстан (1,52 млрд. долл.). На долю Таджикистана пришлось 11 % (731,3 млн. долл.), Киргизии 5,7 % (376,2 млн. долл.). Менее 1,5 % было направлено в Туркменистан (93 млн. долл.). К традиционным направлениям вложения средств АБР в регионе относятся инфраструктурные проекты, модернизация государственного управления, проекты климатической повестки, а в последние годы — и проекты противодействия эпидемии коронавируса.

В 2010–2019 гг. ЕБРР вложил более 2,1 млрд. долл. собствен-

ных средств в экономику региона. При этом экономика ЦА обеспечивает поддержку проектов совокупной стоимостью в три раза больше. Крупнейшие получатели инвестиций банка по состоянию на конец 2019 г. — Казахстан (чистое поступление средств 1,74 млрд. долл.), Киргизия и Таджикистан (по 180 млн. долл.).

В 2010–2019 гг. общий объем официальной помощи региону со стороны США составил немногим более 1,6 млрд. долл. В географической структуре американской ОПР лидирующие позиции заняли Киргизия (580 млн. долл.), Казахстан (432 млн. долл.) и Таджикистан (410 млн. долл.). Заметно меньший объем помощи был предоставлен Узбекистану — 131 млн. долл. и Туркменистану — 74 млн. долл. Здесь необходимо отметить два важных момента: во-первых, благодаря тщательному отбору и подготовке проектов технической помощи США удается при не самых больших бюджетных расходах оказывать заметное влияние на страны-партнеры и, во-вторых, с учетом позиций в АБР, МБРР, ЕБРР доля в контроле потоков официальной помощи в регион, фиксируемых ОЭСР, близка к 50 %. Корея предоставляет региону ЦА официальную помощь развитию примерно в таких же объемах как США и Германия (более 1,6 млрд. долл.).

за 2010–2019 гг.), опережая Россию.

Основными получателями корейской помощи выступают Турк-менистан (377 млн. долл.) и Узбекистан (1179 млн. долл.). Германия входит в число крупнейших доноров региона с объемом предоставленной в 2010–2019 гг. официальной помощи более 1,6 млрд. долл. Основной объем помощи (514 млн. долл.) был направлен в Узбекистан. Казахстан, Киргизия и Таджикистан получили около 300 млн. долл. каждый. Наименьший объем средств (138 млн. долл.) выделили Туркменистану. В Германии выработку государственной политики и установление приоритетов внешней помощи осуществляют Министерство иностранных дел и Министерство экономического сотрудничества и развития, а практической реализацией заняты не менее 34 государственных агентств и компаний, политических, религиозных и неправительственных организаций. Основными каналами реализации проектов и программ помощи служат Немецкое общество международного сотрудничества и Банк реконструкции.

В общем объеме российской официальной помощи развитию за 2010–2019 гг. направленные в Центральную Азию потоки занимают около 15%, а, учитывая нераспределенные по странам

взносы Москвы в многосторонние организации, доля региона может быть оценена несколько выше. Относительно масштабов своей экономики Россия направляла на поддержку стран ЦА в этот период примерно такую же долю средств, как Швейцария и Корея, опережая США, Германию и Великобританию, но заметно отставая от Турции и Японии.

Из общего объема учитываемой ОПР 1,33 млрд. долл. Россия направила в Киргизию 1,18 млрд. долл. (более 88 %) и около 130 млн. долл. в Таджикистан (около 9,7 %). Эти цифры не включают в себя объемы помощи в рамках поставок топливно-энергетических ресурсов без взимания экспортной пошлины. Россия осуществляет крупномасштабную помощь экономикам этого региона за счет поддержки режима трудовой миграции и отсутствия ограничительных мер на репатриацию трудовых доходов. Именно благодаря этому фактору Москва сумела сохранить в течение последнего десятилетия свое экономическое влияние на государство Центральной Азии.

В течение 2010–2020 гг. эти страны получили из России более 104 млрд. долл. денежных переводов, что в несколько раз превышает совокупную официальную помощь других доноров региона. Основным объемом денеж-

ных переводов получили Узбекистан (около 48,1 млрд. долл.), Таджикистан (30,5 млрд. долл.), Киргизия (20,1 млрд. долл.) и Казахстан (5,9 млрд. долл.).

По данным ОЭСР, Турцией в регион ЦА было направлено более 1,0 млрд. долл., в том числе в Киргизию — 627 млн. долл., в Казахстан — 254 млн. долл., в Туркменистан и Узбекистан по 55 млн. долл. и 58 млн. долл. соответственно. Основным каналом доставки официальной помощи служит Турецкое агентство по сотрудничеству и координации, а также около 150 других организаций.

По объему предоставленной официальной помощи — 920 млн. долл. в течение 2010–2019 гг. — Европейский союз уступает России, Турции и ряду других доноров, однако его деятельность в регионе имеет большое значение прежде всего из-за сильной институциональной основы и координации с другими донорами. Основными получателями поддержки ЕС стали Киргизия (348 млн. долл.) и Таджикистан (277 млн. долл.). Значительно меньше средств досталось Узбекистану (133 млн. долл.), Казахстану (114 млн. долл.) и Туркменистану (48 млн. долл.).

Из 910 млн. долл. нетто-инвестиций Исламского банка развития в 2010–2019 гг. основной объем капиталовложе-

ний получили Узбекистан (284 млн. долл.) и Таджикистан (223 млн. долл.). В качестве ключевых секторов можно выделить: сельское хозяйство, транспорт, финансовые услуги, энергетику, здравоохранение и социальные услуги. Швейцария не входит в число лидеров в оказании помощи региону, однако ее роль заметна в Киргизии, Таджикистане и Узбекистане, поддержка которых в 2010–2019 гг. составила 224 млн. долл., 223 млн. долл. и 284 млн. долл. соответственно.

Глобальный фонд, созданный в 2002 г. по инициативе ООН для борьбы с эпидемиями ВИЧ/СПИД, туберкулеза и малярии, региональных приоритетов по ЦА в своих стратегических документах не имеет. Его расходы на цели помощи странам региона за 2010–2019 гг. составили 506 млн. долл., в т.ч. в Узбекистане 141 млн. долл., в Таджикистане 135 млн. долл., в Киргизии 107 млн. долл. и в Казахстане 98 млн. долл.

Великобритания вследствие неблагоприятных тенденций экономического развития находится сейчас по объемам официальной помощи региону на предпоследнем месте среди других доноров, предоставив странам ЦА в 2010–2019 гг. 295 млн. долл. Заметные объемы помощи были направлены Таджикистану (106 млн.

долл.), Казахстану (99 млн. долл.) и Киргизии (62 млн. долл.). ОАЭ в регионе ЦА в 2010–2019 гг. реализовали программы помощи на общую сумму 165 млн. долл., что не позволяет считать это государство значимым игроком в регионе.

Проведенный анализ показал, что в регионе ЦА в сфере помощи развитию действуют несколько основных самостоятельных игроков: Китай, США с дружественными донорами и контролируемые многосторонними организациями, Турция и Россия. Стратегическая цель США в сфере международной помощи состоит в противодействии и ограничении влияния России в регионе. Целеполагание деятельности Китая и Турции, как считают эксперты РСМД, оформленное в терминологию «возрождения» экономического и политического влияния донора, является по сути реваншистским. Наличие здесь нескольких сильных игроков не создает из-за

их конкуренции благоприятных возможностей для России, поскольку совпадающим вектором их усилий служит выстраивание экономических, политических и культурных связей региона по южному и восточному направлению, т. е. вовне ЕАЭС. Москвой может быть рассмотрен вопрос о партнерстве с теми донорами, чьи цели не противоречат государственной политике РФ в регионе, — Казахстаном, Швейцарией, Кореей, Германией, ОАЭ. У Российской Федерации имеется донорский потенциал по отношению к Киргизии, Таджикистану и Узбекистану.

Так выглядит реальная экономическая подоплека геополитического соперничества в регионе в ее «цифровом» измерении. И как следует из этих данных, основными бенефициарами и победителями в этой борьбе выходят именно страны-реципиенты ЦА, получая средства из самых разнообразных источников — порой соперничающих между собой.